

Антропология Достоевского. Человек как проблема и объект изображения в мире Достоевского. Материалы международного симпозиума. София, 23–26 октября 2018 г. / Под ред. Э. Димитрова. София: Болгарское общество Достоевского, 2021. 416 с.

**ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА
КАСАТКИНА**

доктор филологических наук

Институт мировой литературы имени
А. М. Горького Российской академии наук
(121069, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Поварская, д. 25а;
email: t-kasatkina@yandex.ru)

Аннотация. Структура изданных материалов полностью повторяет структуру симпозиума «Антропология Достоевского. Человек как проблема и объект изображения в мире Достоевского».

Это сборник разнородных статей, среди которых лишь некоторые имеют прямое отношение к заявленной проблематике, и потому книга не может претендовать на название «Антропология Достоевского». В качестве сборника статей, характеризующего именно прошедший симпозиум, рецензируемое издание представляет несомненный интерес.

Ключевые слова: Э. Димитров, Ф. Достоевский, София, философия, антропология, международный симпозиум.

Рецензия поступила 10.05.2022.

© 2023, Т. А. Касаткина

Dimitrov, E., ed. (2021). *Dostoevsky's anthropology. A human as a problem and object for depiction in Dostoevsky's world: Proceedings of the international symposium. Sofia, 23–26 October 2018.* Sofia: Bolgarskoe obshchestvo Dostoevskogo. (In Russ.)

TATIANA A. KASATKINA

Doctor of Philology

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(25a Povarskaya St., Moscow, 121069,
Russian Federation;
email: t-kasatkina@yandex.ru)

Abstract: The reviewed proceedings of the international symposium on Dostoevsky's anthropology include papers so diverse and often unrelated to the topic of the event that they hardly merit the title *Dostoevsky's Anthropology*, which may mislead the reader. However, as a collection of papers that introduces and characterises the specific symposium, the publication will find an

interested audience. The reviewer proposes that the reader begins with A. Gacheva's article, as it appears to have had the most success in identifying the main themes and key points of Dostoevsky's anthropology as such. The author argues that Dostoevsky's writings centre on a human in God's perspective, which accounts for the fact that our fascination with his work grows over time, and suggests that the collected proceedings may appeal to Dostoevsky scholars and broader audiences alike.

Keywords: E. Dimitrov, F. Dostoevsky, Sofia, philosophy, anthropology, an international symposium.

The review was received on 10 May 2022.

© 2023, T. A. Kasatkina

Начну с критических замечаний к изданию. Сначала — с (почти) технических. К сожалению, они таких масштабов, что игнорировать их и сразу сосредоточиться на содержании не получается. Я не буду говорить о чисто технических проблемах, вроде повторов текста или слипшихся слов, я говорю только о том, что влияет на понимание достаточно роковым образом.

Первое — книга очень бы нуждалась в русском редакторе, учитывая большое количество иностранцев, писавших по-русски и, естественно, не только допускающих досадные опечатки, но и делающих ошибки в грамматических конструкциях, что иногда очень затрудняет возможность понимания текста, а иногда просто лишает читателя такой возможности. Экономя объем, не привожу примеров, но особенно обидно, когда неисправленными остаются хорошие и глубокие статьи.

Второе — отсутствие выверенной структуры книги: порядка статей в ней, который позволил бы читателю воспринять ее как нечто хоть в какой-то степени целое, а не как калейдоскоп разрозненных статей. Для специалистов, которые в любом случае будут читать ее выборочно, возможно, сойдет и так. Но практически любая книга о Достоевском имеет возможность претендовать на внимание гораздо более широкого читателя — а книга, названная «Антропология Достоевского», уже самим заглавием претендует на самый широкий круг читателей — любителей творчества Достоевского.

Что не так со структурой? Поскольку речь идет об антропологии Достоевского — логично было бы в первой статье (а в хорошо структурированной конференции — и в первом докладе) представить эту самую антропологию *per se*, — то есть до сравнений с любыми другими антропологическими системами, и в целом — то есть до вычленения отдельных ее узких аспектов. Это позволяло бы совсем в другом свете и именно как части целого увидеть остальные статьи тома, поскольку у читателя была бы уже откалибрована шкала восприятия. Что самое удивительное, такая статья в томе есть — это статья А. Гачевой, формально сопоставительная, но на самом деле в минимальном сопоставлении с *ближайшим контекстом* выявляющая главные линии и ключевые точки антропологии *именно* Достоевского. Я бы сказала, что в этой статье представлен мини-словарь того языка, на котором Достоевский не всегда говорит, но всегда мыслит. Автор говорит о теоантропоцентризме Достоевского, воспринятом от него русской религиозно-философской мыслью, и это поставление Достоевским

человека в перспективе Бога в центр своего творчества и есть то, из-за чего наш интерес к его творчеству только возрастает со временем.

И еще: в этой статье обозначен уровень, достигнутый ведущими современными достоевистами в изучении антропологии Достоевского. С этого уровня, по идее, должны были бы начинать свои исследования ныне обращающиеся к теме исследователи (в большинстве своем, однако, находящиеся в полном или частичном неведении того, что уже сделано). Однако статья эта находится в середине тома — и то, что она все же открывает один из разделов, уже никак не помогает сориентироваться читателю.

Очевидно, порядок статей в томе определялся вовсе не логикой изложения и не логикой восприятия. Как следует из Введения, редактор просто, не заморочиваясь, следовал порядку докладов на конференции. В принципе, это вполне законный (хотя и не лучший) способ издавать сборник по результатам конференции, и вопрос даже не возник бы, если бы в заглавии книги на первом месте стояло «Материалы международного симпозиума», а не неоправданно в данном случае амбициозное «Антропология Достоевского». Это же относится и к публикации нескольких статей, которые вообще не могли бы появиться в рецензируемом научном издании (как минимум — без существенной доработки или переработки): название «Материалы международного симпозиума» снимало (по крайней мере — смягчало) бы и эту проблему.

Подзаголовок «Человек как проблема и объект изображения в мире Достоевского» тоже вызывает недоумение. Казалось бы, магистральная линия исследований творчества Достоевского в XX веке свидетельствует о том (и все крупнейшие исследователи неизбежно приходят к тому), что человек в мире Достоевского *никогда* не является *объектом* — в том числе не является объектом изображения для автора: отсюда — из-за отсутствия привычного читателю монологически завершенного, оплотненного и плотяного, образа, из-за принципиально другого уровня, на котором Достоевский изображает человека, — возникали долгое время все проблемы восприятия его произведений, все претензии к его стилю. Сам *необъективирующий*, напротив — максимально выявляющий субъектность каждого персонажа стиль автора был настолько новаторским, что стал понятен как основа для адекватного чтения и исследования его произведений лишь спустя поколение после их

выхода (можно сказать, Достоевский сам создал своих читателей). Более того — безусловная *основа* антропологии Достоевского — *неустрашимая* человеческая субъектность. «Человек есть воплощенное Слово. Он явился, чтоб сознать и сказать», — сформулирует писатель в черновиках к «Братьям Карамазовым». Удивительно, кстати, что эта фраза цитируется только в двух статьях сборника, посвященного его антропологии, — вернее, неудивительно — в противном случае неадекватность подзаголовка стала бы очевидна как минимум в процессе конференции.

На этом кончается возможность говорить о книге в целом, далее разговор можно вести только об отдельных статьях, весьма условно объединенных в разделы, соответствующие названиям тем каждого из трех дней симпозиума: «Антропология Достоевского в свете философской антропологии и европейской культуры XX в.»; «Антропология Достоевского в перспективе русской религиозно-философской мысли и русской культуры XX в.», с подразделом «Достоевский и другие художественные миры»; «Проблема человека в романе “Идиот” (К 150-летию “Идиота”)». Одна обширная статья — С. Хоружего, посвященная эсхатологии, современной и Достоевского, — как пленарный доклад вынесена в начало книги, вне разделов.

С разговора об эсхатологии Достоевского более чем уместно было бы начинать разговор о его антропологии, если бы не фундаментальная методологическая ошибка автора статьи (и это довольно распространенная ошибка среди авторов сборника). Он определяет, что есть эсхатология «в общем смысле», с этим определением подходит к текстам Достоевского — и оказывается в дальнейшем разборе очень далеко от действительно эсхатологической антропологии писателя.

Хоружий ставит своей задачей реконструкцию *эсхатологических* сценариев Достоевского. Однако эсхатология Достоевского имеет прямое отношение к его антропологии именно потому, что заменяет *сценарий*, то есть разворачивание во времени, концентрированным явлением «концов и начал» всякой вещи и явления в моменте, «прямо сейчас». «Последние вещи» (эсхатон) его эсхатологии — это не вещи, имеющие произойти в «последние времена», но глубина вещи, уже и всегда в ней присутствующая, и только лишь открывающаяся не всякому взору. Задача писателя, по Достоевскому, именно в том, чтобы являть эту глубину всем, писатель, согласно ему, это общий глаз человечества. Герои Достоевского не идут

к соединению со Христом в «последнем будущем», но каждый из них заключает Христа в себе (хотя иногда это заключение сродни заключению в тюрьме и темнице) и порой оказывается способен явить явить его читателю.

Не могу не процитировать положение статьи Хоружего, наглядно демонстрирующее проблему, постоянно возникающую, когда о философии Достоевского говорит философ, привыкший анализировать дискурс, а не образ: «Лакуну, о которой мы говорим, указал еще Константин Леонтьев: в поучениях Зосимы — добавим, как и вообще у Достоевского — налицо лишь малое присутствие “церковной мистики”; и в эсхатологическом сценарии это сказывается отсутствием *речи* (курсив мой. — Т. К.) о высших ступенях духовного опыта, о подступах к “превосхождению естества”, к обожению и преображению. Нельзя не признать, что при таком отсутствии сценарий Достоевского, действительно, не совсем полон» (с. 31). Просмотреть обожение и преображение Алеши в главе «Кана Галилейская», разворачивающееся прямо перед глазами читателя, к сожалению, вполне в духе философа, не воспринимающего явления, если это явление не сопровождается *речью о нем*, пренебрегающего прямо предъявляемым опытом, если тот не описан и не систематизирован, не выражен словесно, а сконцентрирован в образе.

Особым образом интересны те статьи сборника, в которых иностранный и инокультурный взгляд на привычные нам вещи заставляет увидеть их необычными, «остраненными». Так Джузеппе Гини, глядя из католической традиции, поновляет для читателя трехчастную структуру человека, столь естественную, исходную для исследователя, принадлежащего к православной культуре, а Тоефуса Киносита заставляет по-новому увидеть роль идеи смиренномудрия в жизни и творчестве Достоевского. Статья Розанны Казари о книге итальянского философа Ремо Кантони «Кризис человека. Философское мышление Достоевского» заставляет, кроме прочего, еще раз задуматься о том, почему так настойчиво и независимо друг от друга разные исследователи Достоевского обращаются при описании его романов к музыковедческому языку. Так Фигередо Чавес, говоря о романе «Бесы», обращает наше внимание на очень важную для понимая антропологии Достоевского вещь: у Достоевского человек, выговаривающий существенный вопрос или предлагающий на словах его решение, — совсем не обязательно тот, кто примет это решение для себя

как онтологическую истину. И поэтому сам концепт «человек» в его творчестве — это результат диалогического взаимодействия персонажей. Кристоф Гарстка размышляет о книге Андре Глюксмана «Достоевский на Манхэттене», в которой роман «Бесы» Достоевского становится путем к пониманию современного терроризма. Мария Кандида Гидини показывает, как пристрастие к форме исповеди у Достоевского связано с его постоянным стремлением выйти за границы литературы.

К сожалению, невозможно обозначить в краткой рецензии даже двумя словами вклад каждой из сорока статей сборника.

Сборник можно весьма приветствовать как подробнейший (в том числе — и фото-) отчет о действительно прекрасном событии: международном симпозиуме по творчеству Достоевского, прошедшем в 2018 году в Болгарии, собравшем множество прекрасных участников, привлечшем к разговору о Достоевском, наряду с достоевистами, исследователей из других областей филологии и философии, что почти всегда продуктивно и может открыть неожиданные ракурсы, предложить новый взгляд на предмет исследования. Но нужно признать, что к разговору об антропологии Достоевского он имеет достаточно косвенное отношение.